
М. Б. СВЕРДЛОВ

Отбор и интерпретация исторической информации в «Повести временных лет»

Исследователи литературы и истории средневековой Руси многократно убеждались в истинности наблюдения А. А. Шахматова, в соответствии с которым «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы». ¹ Оно позволяло установить место и время написания изучаемого памятника древнерусской книжности, его идейное содержание. Одним из таких произведений была ПВЛ, в изучение которой значительный вклад внесли вслед за А. А. Шахматовым М. Д. Приселков, Д. С. Лихачев и другие исследователи. Руководствуясь шахматовским методом системного изучения летописания как истории летописных сводов в контексте событийной действительности, они в большой мере конкретизировали летописную явную и скрытую информацию. В исследовательской литературе XX—начала XXI в. существуют также опыты интерпретации отдельных летописных записей вне такого системного метода, но они свидетельствуют лишь об отсутствии в этих опытах критериев объективности.

При анализе исторической информации, содержащейся в ПВЛ, важно определить ее жанровую принадлежность. Историки традиционно анализировали ее как произведение, основным назначением которого было изложение исторических событий в причинно-следственных связях и в соответствии с основным средневековым принципом историзма — провиденциализмом. Поэтому ПВЛ обоснованно рассматривалась как начало русской историографии. С другой стороны, столь же обоснованно ПВЛ изучалась как произведение древнерусской литературы со своими жанровыми особенностями, свойственными летописанию. Исследовательские достижения этих научных направлений позволяют раскрыть сущностное содержание ПВЛ как памятника особого летописного жанра, в котором органично соединено изложение исторических фактов с трансформацией такого повествования в соответствии с законами художественного отбора и преобразования исторической действительности. Обе эти жанровые составляющие предполагают возможности целенаправленной интерпретации излагаемых событий.

Большой накопленный предшествующий опыт позволяет продолжить изучение ПВЛ как историко-литературного произведения, написанного в 10-е гг. XII в. и обобщившего значительную историческую информацию, собранную и обработанную в конкретных обстоятельствах общественно-политической и духовной жизни (здесь и далее вопросы более точных датировок написания ПВЛ и ее редакций не рассматриваются в связи с их незначительной временной удаленностью друг от друга, от предшествующего Начального свода 1095 г. и/или Хронографа по великому изложению).

¹ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. С. XVI.

Д. С. Лихачев показал, что основными темами начального русского летописания являлись история княжеской династии Рюриковичей и распространение христианства на Руси.² Особое значение в таком повествовании приобретали сведения о княгине-христианке Ольге, о первых русских святых, князьях Борисе и Глебе, и другие сюжеты, относившиеся к этим темам. Столь же важны при анализе исторической информации ПВЛ наблюдения Д. С. Лихачева, вслед за А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, о написании древнейших летописных сводов в Киево-Печерском монастыре, который при Святополке Изяславиче стал княжеским, а также в ктиторском Выдубицком монастыре Всеволода Ярославича и его потомков, что придало летописанию конца XI—начала XII в. официальный характер. Эти наблюдения позволяют рассматривать историческую информацию ПВЛ как системно отобранную, подчиненную определенным целям, которые преследовал автор. Критерии отбора и интерпретации летописного материала устанавливаются через его соотношение со сведениями, которые находились в распоряжении автора и отразились в тексте адекватно или в трансформированном виде.

Историческая память сохранила предания о княгине Ольге в их временной, географической и даже топографической определенности. Эти предания содержали частичную, но конкретную информацию о ее военных действиях против древлян, о ее преобразованиях в регулировании взимаемых податей и в новом территориальном делении по погостам, о ее господском хозяйстве, о ее путешествии в Константинополь к императору Константину VII Багрянородному, с которым она вела переговоры и от которого приняла крещение. Эти сведения органично соединены с семантически многозначным их фольклорным изложением, сюжетами которого стали погребение в ладье, сжигание людей в бане, взимание с города дани птицами и поджог этого города, сватовство византийского императора к Ольге и т. д.

В ПВЛ под 6463 (955) г. сохранена реальная историческая информация об одной из тем переговоров Ольги с Константином Багрянородным — о присылке ему воинов в помощь. Этот пункт присутствовал в русско-византийском договоре, заключенном мужем Ольги князем Игорем в 944 г. В ПВЛ указана и причина отказа Ольги императору во вспомогательном русском войске: ее недовольство длительным ожиданием в константинопольском пригороде приема во дворце. Показательно в данном случае использование скандинавского слова для названия Босфора — «Суд», т. е. 'пролив' (от др.-сканд. Sund в том же значении). Подробные сведения о приеме княгини Ольги в императорском дворце содержатся в труде самого Константина Багрянородного «О церемониях в византийском императорском дворце», хотя в соответствии с жанром этого произведения о содержании переговоров двух сторон в нем ничего не сообщается.³

Наиболее вероятно предположение, что путешествие в Константинополь Ольга совершила в 957 г. Видимо, одной из его целей явилось укрепление церковной организации на Руси посредством создания епископии в Киеве, где уже в 40-е гг. X в. существовала, как следует из ПВЛ, соборная церковь св. Ильи. Вероятно, Константин Багрянородный отказал по неизвестной нам причине в просьбе Ольги прислать на Русь епископа и священников, что стало одной из причин ее недовольства посольством в Царьград. Уже в 959 г. Ольга отправила

² Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 58—100.

³ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX—начало XII в.). СПб., 2000. С. 157—213, 360—364; здесь и далее см. также: С в е р д л о в М. Б. 1) Политические отношения Руси и Германии X—первой половины XI в. // Проблемы истории международных отношений: Сб. статей памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 283—286; 2) Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI—XIII в. СПб., 2003. С. 196—216.

посольство к сопернику Византийской империи в борьбе за первенство в христианском мире германскому королю Оттону I Великому, который стал в 962 г. императором Священной Римской империи, с просьбой послать епископа и священников. Об этих послах «королевы» русов Ольги, названной в хронике Продолжателя Регинона ее крестильным именем Елена, сообщает участник событий и автор этой хроники Адальберт. После неожиданной смерти уже назначенного миссийным епископом Либуция Оттон I поставил Адальберта в том же сане и отправил его вместе со священниками на Русь в 961 г. Впрочем, миссия оказалась неудачной. Когда Адальберт прибыл в Киев, вероятно, зимой 961/962 г., там, как можно предположить, произошел переворот. Ольга была отстранена от власти. Реально правящим князем стал уже повзрослевший Святослав. Он равнодушно относился к христианству и его укреплению на Руси, но был заинтересован в разгроме Хазарского каганата, с тем чтобы освободить от хазарского контроля и сбора проездной десятины важные для торговли Волжский и Донской пути. Поэтому Адальберт должен был покинуть Киев, при его возвращении некоторые из его спутников были убиты, а сам он едва спасся.

В ПВЛ нет прямых упоминаний об Адальберте, равно как и о событиях, связанных с его миссией. Но историческая память сохранила сведения о них, как следует из скрытой информации, отраженной в фольклорных и литературных произведениях, отнесенных в ПВЛ к событиям второй половины X в. В преданиях об Ольге содержится указание на отказ Святослава креститься, что было объяснено в повествовании возможными насмешками язычества по преимуществу дружины. Такое объяснение, видимо, фольклорно-литературного происхождения, поскольку среди русской знати уже в 944 г. были христиане, которые клятвой утверждали договор с Византией в Киеве в соборной церкви св. Ильи. Упоминается в этих преданиях и недовольство Святослава матерью: «Се же к тому гнѣвашеся на мать», что можно объяснить как отражение насильственного отстранения Ольги от княжеского управления.

В скрытой форме упомянута в ПВЛ под 6494 (986) г. и миссия Адальберта, когда в обстоятельном повествовании об основном для русской христианской истории событии — избрании князем Владимиром Святославичем веры — появилось, казалось бы, неожиданное обоснование отказа Владимира от принятия католической версии христианства: «Рече же Володимеръ нѣмцемъ: „Идѣте опять, яко отци наши сего не прияли суть“». На содержательную связь между неудавшейся миссией Адальберта и летописным ответом князя Владимира «немцам» обратил внимание еще П. М. Бицилли.⁴ Это наблюдение поддержал автор этих строк, тогда как В. Я. Петрухин наметил новое направление в интерпретации ответа Владимира, связав его с греко-латинской и греко-иудейской полемикой в XI—начале XII в.⁵ Учитывая реальные исторические события, относившиеся к деятельности княгини Ольги в связи с ее попыткой создать епископию на Руси с помощью германского короля Оттона I и прибывшего на Русь миссийного епископа, но в католической версии христианства, можно разъяснить форму и содержание летописного повествования.

Конкретное хронологическое отнесение князем Владимиром Святославичем отказа «немцам» еще ко времени «отцов», т. е. князя Святослава Игоревича, может свидетельствовать о том, что имелось в виду запрещение Святославом христианизаторской деятельности Адальберта. Соотнесение этого отказа со временем Владимира и с определением «поощенья по силѣ», как подумал В. Я. Петрухин, в данном случае оказывается непонятным, поскольку раскол православной

⁴ Бицилли П. М. Западное влияние на Руси и начальная летопись. Одесса, 1914. С. 2—6.

⁵ Свердлов М. Б. Политические отношения Руси и Германии... С. 286; Петрухин В. Я. Выбор веры: Летописный сюжет и исторические реалии // Древнерусская культура в мировом контексте: Археология и междисциплинарные исследования. М., 1999. С. 78—83.

и католической церковью тогда еще не произошел, а само христианство еще не было принято на Руси в качестве государственной религии. Между тем вопрос о посте и о различиях в обрядности православных и католиков стал темой самой ожесточенной дискуссии и обличений деятелями Русской церкви во второй половине XI—начале XII в. (см. далее). Соединение идей этого периода и указание Владимиром времени «отцов», которые отказались принять католический обряд, могут свидетельствовать о длительном периоде сохранения в исторической памяти сведений об отказе Святослава креститься и о запрещении им предполагавшегося Ольгой создания на Руси епископии.

Таким образом, можно предположить, что сведения о миссии Адальберта хранились исторической памятью на Руси в течение долгого времени, но в особых общественно-политических и религиозно-идеологических обстоятельствах составители древнейших летописных сводов, включая ПВЛ, эту информацию утаили. Впрочем, сведения о миссии Адальберта на Русь долгое время хранились и на Западе в анналистической традиции и в устном предании, как следует из учредительной грамоты Магдебургского архиепископства.⁶

Принятие в киевское княжение Владимира Святославича православия в качестве государственной религии и учреждение Русской митрополии как составной части Константинопольского патриархата стало завершением долгой предыстории торговых, политических и культурных связей Руси с Византийской империей и Первым Болгарским царством. Естественно, что крещение Владимира и события, связанные с ним, стали композиционным и содержательным средоточием информации ПВЛ о его княжении. Прочие сведения об основных событиях, относившихся к жизни и деятельности Владимира, распределены в ПВЛ крайне неравномерно: абсолютное их большинство относится к его языческому периоду и значительно меньшая часть, особенно после 6504 (996) г., — к христианскому. Как следует из информации западноевропейских исторических источников, прежде всего хроники Титмара Мерзебургского, к 990-м—1015 гг. относятся важные события на Руси: неизвестные в своем конкретном содержании притеснения византийцев, война польского князя Болеслава Храброго против Руси, вероятно, осенью 1013 г., последующее заключение русско-польского мира, скрепленного династическим браком Святополка и дочери Болеслава Храброго, их заговор против Владимира Святославича и их арест вместе с духовником Болеславы католическим епископом Рейнберном, возможно, в 1014 г., когда во время заключения этот епископ умер, вероятная женитьба Владимира на дочери западноевропейского правителя после смерти Анны в 1011 г. Эти события, видимо, отразились в оформлении чеканенных при Владимире в его христианский период монет, особенно в изображениях на серебряниках II—IV типов, на реверсе которых византийское каноническое изображение Христа Пантократора было заменено трезубцем — княжеским знаком Владимира.⁷

Сведений обо всех этих событиях в ПВЛ нет. Вероятно, историческая память их не сохранила. Но можно предположить, что их изложение было опущено целенаправленно вследствие несоответствия их содержания политическим и церковным предпочтениям авторов древнейших летописных сводов, в том числе и ПВЛ. В пользу такого мнения, видимо, свидетельствует повествование в ПВЛ о смерти и похоронах Владимира Святославича. В нем сообщаются мельчай-

⁶ Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия: IX—первая половина XII в. / Сост., перевод, коммент. М. Б. Свердлова. М.; Л., 1989. С. 43—44.

⁷ Свердлов М. Б. 1) Известия о Руси в хронике Титмара Мерзебургского // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М., 1976; 2) Домонгольская Русь... С. 309—312; С от н и к о в а М. П. Древнейшие русские монеты X—XI вв. М., 1995. С. 19—96, 172—192; ср.: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. М., 1993. С. 157—174.

шие подробности (использование при перенесении тела ковра, веревок и т. д.) этих важнейших для русской политической и церковной истории событий с указанием факта погребения его в мраморном гробе в соборной церкви св. Богородицы в Киеве. Такие сведения были достаточны для русского читателя. Между тем саксонский рыцарь, побывавший в Киеве в 1018 г. в составе войска Болеслава Храброго, сообщил епископу и хронисту Титмару Мерзебургскому важную дополнительную подробность о погребении Владимира Святославича: саркофаги его и его супруги (имеется в виду княгиня Анна) «открыто стоят посреди храма». ⁸ А. Поппэ обратил внимание на то, что такое погребение было возможно лишь в католическом, но не в православном храме. ⁹ Отсюда, наряду с другими сведениями, можно предположить, что притеснения византийцев во времена Владимира сопровождалась расширением его политических интересов на Запад. О том же может свидетельствовать введение князем десятины, института Западнохристианской церкви, как наиболее эффективного средства быстрого материального обеспечения созданной Русской митрополии.

Можно предположить, что летописцы не придали значения особенностям погребения Владимира Святославича в Десятинной церкви. Но такому предположению противоречит острая коллизия, о которой повествует редакция ПВЛ в составе Ипатьевской летописи. Под 6623 (1115) г. в ней сообщается, что 2 мая, во время перенесения мощей святых Бориса и Глеба в посвященный им новопостроенный храм между Владимиром Мономахом, с одной стороны, и братьями, Давыдом и Олегом Святославичами — с другой, произошла «распря». Владимир предлагал поставить «раку» посреди церкви и возвести над ней «терем», тогда как братья хотели ее поместить под сводом («в комару») «на правой стороне», т. е. в правом нефе, как желал еще их отец, Святослав Ярославич. В соответствии с ПВЛ, присутствовавшие на церемонии перенесения мощей митрополит и епископы предложили тянуть жребий. Выиграли Святославичи.

Кажется, исследователи не придали значения этой «распре», которая имела большое идейное содержание. Как отмечено ранее, погребение князя в центре храма — католическая традиция. Так были похоронены в Десятинной церкви Владимир Святославич и его супруга Анна. Давыд и Олег, как и их отец, были сторонниками установившейся русской традиции княжеского погребения в южной части храма. Такое погребение было столь же символичным, поскольку оно соединило русскую и византийскую знаковые системы. В отличие от княжеских захоронений на Руси, в Византии императоров в храме не хоронили, но во время богослужения они находились в св. Софии на южной галерее.

В 1115 г. обе стороны спорящих князей существенно различались в своих политических предпочтениях. Владимир был женат на английской принцессе, его старший сын Мстислав имел также западноевропейское имя Харальд, его дети и сестра находились в браке с западноевропейскими правителями. Такие династические связи, выражавшие в средние века политические интересы, явно преобладали над происхождением православного князя Владимира от дочери византийского императора Константина Мономаха. Эти наблюдения позволяют предположить, что Владимир Мономах в избранном им типе погребения святых Бориса и Глеба Владимировичей хотел продолжить традицию их отца, основателя Русской митрополии, но, с другой стороны, Мономах, вероятно, продолжал мыслить категориями Вселенской церкви и был открыт к диалогу с западноевропейской культурой. У Святославичей, особенно у Олега, напротив, прослеживаются византийские предпочтения. Сам он долгое время находился в изгнании в империи и был женат на византийской аристократке Феофане Муза-

⁸ Thietmar, VII, 74.

⁹ Poppe A. Vladimir, prince chrétien // Le origini e lo sviluppo della christianita slavo-bizantina. Roma, 1992. P. 49—50.

лониссе. Именно поэтому предложенное Святославичами русско-византийское в семантике погребение было избрано в «распре», третейскими судьями в которой стали митрополит и епископы.

Сделанные ранее наблюдения позволяют предположить, что при изложении основных событий распространения христианства на Руси и истории Русской церкви в ПВЛ осознанно не учитывались те сведения, которые содержали информацию о ее бытии в составе еще единой Вселенской церкви до раскола 1054 г., о воздействии западной политики русских князей на практику христианской организации на Руси до введения христианства в качестве государственной религии и после этого события. Таким образом, в 10-е гг. XII в. ретроспективно выстраивалась стройная и внутренне целостная история Русской православной церкви, лишенная реальных сложностей становления и развития, в частности, в результате ее взаимодействия со светской княжеской властью.

История княжеской династии в ПВЛ также характеризуется рядом особенностей. Авторы древнейших летописных сводов стремились собрать, соотнести во времени и изложить в последовательности основные сведения о Рюрике и его приемниках по княжескому столу. При этом редактор ПВЛ, сохранившей в составе Ипатьевской летописи, отредактировал текст и устранил свойственное фольклору поновление исторических реалий. Он верно указал первоначальное место нахождения княжеского стола в Ладоге, а не в Новгороде, которого в середине IX в. еще не было. Он дополнил также ранее известную информацию сообщением о строительстве Рюриком «города над Волховом», т. е. Рюрикова городища, что подтверждается археологическими исследованиями.¹⁰

Последовательное описание основных событий истории Руси, органично связанное с деятельностью князей и с историей династии Рюриковичей, излагается в ПВЛ непротиворечиво до повествования о династическом кризисе 1014—1019 гг. В 1014 г. против Владимира Святославича составил заговор его усыновленный племянник Святополк и восстал в Новгороде его сын Ярослав. Как отмечено ранее, в ПВЛ нет сведений об этих действиях Святополка, как и о нем самом после его рождения, тогда как об отказе Ярослава платить отцу в Киев ежегодную подать от Новгорода в 2000 гривен содержится обстоятельная запись. События, последовавшие после смерти Владимира, излагаются реалистически по отношению к обоим соперникам в борьбе за стол киевский — к Святополку и Ярославу. Естественно, что повествование об убийстве уже канонизированных ко времени написания ПВЛ князей Бориса и Глеба создано под воздействием агиографического жанра. Но в обоих вариантах изложения событий, и в историческом повествовании, и в его агиографической обработке, прослеживается единая система создания официальной версии событий. Ее сущность заключается в концепции династических ветвей Владимира и Владимировичей, Ярослава и Ярославичей как единственно легитимных во владении столом киевским.

Такая концепция выстраивалась исторически и идеологически. Ее историческая составляющая создавалась, начиная с повествования о династическом кризисе 972—980 гг.: братоубийственное столкновение Святославичей, предательское убийство Ярополка и победа Владимира, усыновление им Святополка, который продолжал старшую династическую ветвь Ярополка. Повествовательно, но в круге христианских религиозно-этических принципов, сообщается в ПВЛ о рождении Святополка как о факте, отрицательно предопределенном: Владимир жил с женой брата, она была уже беременной от Ярополка, а до первого брака являлась монахиней. При этом коварное участие Владимира в убийстве Яро-

¹⁰ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

полка не осуждалось. Эта стройная схема приобретает иное содержание, если изложить ее в круге политических реалий языческого периода русской истории. По объективным экономическим, социальным, политическим и идеологическим причинам Ярополк, а позднее и Владимир стали бороться за единовластие в политически едином Русском государстве.¹¹ Они использовали все возможные методы. Победивший Владимир взял в число своих жен по закону левирата вдову Ярополка. Новорожденного Святополка он стал считать своим сыном, хотя тот знал, что является сыном Ярополка и имеет право на стол киевский. Поэтому, по мнению Святополка, после смерти его дяди Владимира именно он, а не его двоюродные братья, имеет право княжить в Киеве. В пользу такой интерпретации событий кроме их реалий свидетельствует сохраненный Святополком традиционный для Рюриковичей княжеский знак — двузубец, который был заменен Владимиром и его сыновьями на трезубец.

Данное понимание произошедших событий объясняет военно-политические действия уже христианина Святополка-Петра Ярополковича в 1015—1018 гг., включая убийство Бориса, Глеба и Святослава Владимировичей, как борьбу за свое право старшей княжеской ветви на стол киевский. Но оно, разумеется, не могло удовлетворить Ярослава, победителя Святополка в междукняжеской борьбе, и потомков Ярослава. Поэтому в разных вариантах повествования, в историческом и агиографическом, Святополк Ярополкович был назван сыном Владимира, Владимир — его отцом, а Владимировичи — братьями. В таком изложении событий их агиографическая интерпретация приобрела идеологическую функцию. Она излагалась в соответствии с моделью *Авель — Каин* в Священном Писании. При этом *Каином* становился Святополк. Так посредством целенаправленного отбора и интерпретации информации в ПВЛ был изложен и объяснен сложнейший вопрос династической истории Рюриковичей в 972—1018 гг.

Такой пример целенаправленной положительной по отношению к Ярославу и Ярославичам интерпретации излагаемых событий не единичен. В ПВЛ сообщается под 6575 (1067) г. о нападении полоцкого князя Всеслава Брючиславича на Новгород, о походе Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей против нарушившего мир Всеслава и о победе над ним 3 марта 1068 г. на Немиге (показательно в данном повествовании указание точных дат, что может свидетельствовать о достоверности этой информации и о близости времени записи к происходившим событиям). Позднее, 10 июля, братья целовали крест в том, что не причинят Всеславу зла, если он переправится через Днепр и заключит с ними мир. Но когда старший из братьев Изяслав встретил Всеслава и вместе с ним вошел в шатер, полоцкий князь был схвачен и заключен в Киеве в темницу. Летописцу была очевидна тяжесть клятвопреступления Ярославичей («преступивше крест»). Но в последующем изложении событий наказание за него он распространил на всех русских людей, лишь упоминая вскользь Изяслава, не осуждая Святослава и Всеволода. Такое отношение к нарушению крестоцелования разительно отличается от осуждения за такое же преступление Святополка Изяславича, в битве против которого на стороне ослепленного Василька и Володаря Ростиславичей, согласно повествованию ПВЛ, находился крест, клятву на котором Святополк нарушил.

В династической истории Рюриковичей, изложенной в ПВЛ, есть еще один сюжет, который производит впечатление особой темы с тщательно отобранными и отредактированными материалами, — западноевропейские династические союзы. Хорошо известна крайне скупая информация в ПВЛ о браках муж-

¹¹ Здесь и далее подробнее см.: С в е р д л о в М. Б. Домонгольская Русь... С. 234—253.

чин и женщин династии Рюриковичей. Но и на ее фоне упоминания о западно-европейских династических союзах единичны. До 1104 г. в ПВЛ сообщается под 6551 (1043) г. лишь о замужестве сестры Ярослава Мудрого Марии Добронегги (ее имя в летописи не называется) за польским королем Казимиром. Но этот династический союз указан не в контексте русско-польских отношений, а в связи с передачей Казимиром вместо свадебного дара 800 пленников, захваченных на Руси в 1018 г. Болеславом Храбрым. Такое указание замужества позволяет предположить, что оно упомянуто лишь в связи с возвращением русских пленников. Эта тема была близка монахам Киево-Печерского монастыря, в числе которых находился Моисей Угрин, также захваченный в плен Болеславом Храбрым. В этом монастыре знали, что женой Изяслава Ярославича была не названная по имени «ляховица», т. е. Гертруда, младшая сестра Казимира. Но напрасно было бы искать в ПВЛ упоминания о женитьбе Ярослава Мудрого на дочери шведского короля Олава Ингигерд, Святослава Ярославича — на дочери графа Леопольда Штаденского, Владимира Мономаха — на Гите, дочери англосаксонского короля Харальда, Мстислава-Харальда Владимировича — на Христине, дочери шведского короля Инга Стейнкельса, замужестве Анастасии Ярославны за венгерским королем Андреем I, Елизаветы Ярославны — за норвежским королем Харальдом, Анны Ярославны, матери французского короля Филиппа I, — за французским королем Генрихом I, сестры Владимира Мономаха Евпраксии — за маркграфом Генрихом Длинным, а после его смерти — за императором Священной Римской империи Генрихом IV и т. д., что нам хорошо известно из иностранных исторических источников.¹² Между тем сведения об этих зарубежных браках князей и княжон на Руси были. Об этом могут свидетельствовать, казалось бы, неожиданные записи в ПВЛ под 6612 (1104) г. с указанием точных дат в тексте, насыщенном такими же точными другими хронологическими указаниями: «Ведена дщи Володарева за царевичь за Олексиничь Цесарюгороду, мѣсяца июлия въ 20. Томъ же лѣтъ ведена Передьслава, дщи Святополча, в Угры, за королевичь, августа въ 21 день». В редакции ПВЛ по Ипатьевской летописи содержится запись под 6620 (1112) г.: «Того же лѣта ведоша Володимерьну Офимью въ Угры за короля». Появление этих записей можно объяснить переработкой ПВЛ Сильвестром, игуменом князьего ктиторского Выдубицкого монастыря, где велись самостоятельные хронологические записи.

Но тогда возникает вопрос, почему столь последовательно отобраны и отредактированы тексты ПВЛ, в которых могла содержаться информация о западнохристианской церкви, об отношениях с ней русских князей, что было известно, как следует из «проговорок» самой ПВЛ, об активных западноевропейских династических связях дома Рюриковичей. Ответ на этот вопрос содержится, видимо, в жесткой православно-католической конфронтации, последовавшей после раскола церквей в 1054 г., и в обличениях католичества деятелями Русской православной церкви.

О накале идейной борьбы в связи с обсуждением основ христианской жизни и богослужения свидетельствует послание митрополита Иоанна к папе Клименту III в 80-е гг. XI в. Находясь на самом высоком уровне русской церковной иерархии, Иоанн критикует католическую церковь, «сблазн и възбраненье божественаго пути», которым она последовала. Но тон этого послания покажется крайне сдержанным, если сравнить его с тем, что и как написал в 60-е гг. того же столетия игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий в своем послании о вере латинской женатому на польской княжне князю киевскому Изяславу Яро-

¹² Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 39—48, 123—127, 132—136; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 505—584.

славичу (мы согласны с атрибуцией этих посланий, обоснованной Н. В. Поныр-ко). В данном случае важно знать, что думали деятели Русской церкви о католиках, какую лексику они применяли по отношению к ним во внутреннем употреблении и как они пытались воздействовать на княжескую династию, которая в этот период поддерживала постоянные активные военно-политические и династические связи с католическими династиями Западной, Центральной и Северной Европы. Феодосий Печерский наставлял князя, соединяя обличение поведения западнохристианских духовных лиц с вымыслом: «Вере же латынской не приобщаться, не соблюдать их обычаев, и от причастия их отвращаться, и никакого учения их не слушать, и всех их обычаев и нравов гнушаться и блюстись; дочерей своих не давать за них замуж, ни у них дочерей не брать; не кланяться им, не брататься с ними, не целоваться, и из одной посуды не есть и не пить с ними, и не брать у них пищи. Им же, когда они просят у нас есть или пить Бога ради, давать есть и пить, но из их собственной посуды. Если же не будет у них посуды, давать и в своей, только потом, вымыв, сотворить над ней молитву. Ибо неправо веруют и нечисто живут, едят со псами и кошками, пьют свою мочу и едят ящериц, черепах, и диких коней, и ослов, и удавленнику, и мертвечину, и медвежатину, и бобровое мясо, и бобровый хвост. <...> А за грехи не у Бога просят прощения, но прощают попы их за мзду. Попы же их законным браком не женятся, но со служанками детей приживают и служат при этом невозбранно. И епископы их наложниц держат и на войну ходят. И на опресноке служат божественную службу. Ни икон не целуют, ни мощей святых. А крест целуют; простершись, чертят его на земле и потом, встав, попирают ногами» и т. д.¹³

При такой идейной борьбе с католичеством, в которой Русская православная церковь приняла самое активное участие, становится очевидным, что в древнейших летописных сводах, написанных, в частности, в Киево-Печерском монастыре, в разгар этой борьбы, не могли быть указаны эпизоды, относившиеся к контактам русских князей с Западнохристианской церковью до и после раскола 1054 г., к восприятию князьями христианской жизни еще в пределах Вселенской церкви, к многообразным видам их взаимодействия с католическими правящими европейскими домами, хотя сведения о них хранились как в исторической памяти, так, вероятно, и в погодных записях, которые могли вестись при княжеском дворе или в ктиторских монастырях. Отсюда понятно, почему приведенное в ПВЛ под 6583 (1075) г. сообщение о послах «из нѣмецъ» к князю Святославу Ярославичу в его киевское княжение было сведено к традиционной для средних веков мочали о тщите богатства, которое лежит мертво, с глубоким подтекстом о предназначении этого богатства для раздачи служилым князю людям в виде корма-феода, хотя для выражения этой мысли и были найдены слова из Священного Писания. Но печерский летописец не сообщил главного, того, что мы знаем из хроник Ламперта Херсфельдского и Зигеберта из Жамблу. Это посольство было направлено императором Священной Римской империи Генрихом IV. Оно должно было содействовать возвращению в Киев старшего брата Изяслава Ярославича, изгнанного с женой Гертрудой, сыном Ярополком и невесткой. Святослав предпочел откупиться от такого давления огромными богатствами, которыми весьма пополнил императорскую казну, истощенную Саксонской войной 1073—1075 гг.¹⁴

Таким образом, анализ отбора и интерпретации исторической информации в ПВЛ позволяет развить важнейшее наблюдение А. А. Шахматова, приведенное в начале статьи. Рукой авторов древнейших летописных сводов управляли

¹³ Поныр-ко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII века: Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 6—40.

¹⁴ Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия... С. 158—171.

не только политические страсти и людские интересы, но также страсти церковной жизни, борьбы формирующихся, а после 1054 г. и противостоящих двух определяющих направлений в христианстве — православного и католического. По рефлексам, отразившимся в ПВЛ, можно предположить, что именно эта борьба стала причиной отсутствия в летописном тексте вследствие авторедактирования или редактирования свидетельств княжеского христианского сознания в пределах единой Вселенской церкви и княжеского политического сознания в пределах единого европейского мира.¹⁵

¹⁵ Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси... С. 22 (перевод Н. В. Поньрко).